

ГАЛИНА ГОНЧАРОВА

ВЕТАНА
Дар смерти

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г65

Разработка серийного оформления
Ф. Барбышева, А. Саукова

Иллюстрация на обложке *С. Дудина*

Гончарова, Галина Дмитриевна.

Г65 Ветана. Дар смерти / Галина Гончарова. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Колдовские миры).

ISBN 978-5-04-103267-8

Лечить людей для мага жизни — призвание.

Но сделать их лучше? Это и Светлому не под силу. А лечить приходится всех. Воров, убийц, бедняков, аристократов... Не разбирая, кто хорош, а кто плох. И благодарность людская тоже разнится.

Кто-то отдаст последнее, кто-то просто скажет спасибо, а кто-то начнет думать, как использовать лекарку в своих целях. Ну или куда благороднее — в интересах страны и Короны.

И с такими труднее всего. А отказаться от их помощи Ветана не может. Опасность из прошлого настигает девушку, и защитить ее могут только те, кто обладает властью и могуществом. Но чем придется расплачиваться за их помощь?

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Гончарова Г. Д., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103267-8

Глава 1

Я шла по городу. В душе кипела и искрилась радость. Жить! Как же хорошо жить! Смотреть на небо, радоваться солнцу, улыбаться новому дню, видеть игры детей и даже — да! — нюхать цветы шиповника.

Потянулась к кусту и от души вдохнула аромат цветка. Рвать его не хотелось, нет. А вот остановиться на секунду и унести на губах сладость пыльцы и нежный запах розового цвета... Мгновение, всего лишь мгновение, но это — мое. И я счастлива. Здесь и сейчас я довольна и спокойна. И не скажешь, что этой ночью меня хотели убить. А я иду по улице и мечтаю о том, как войду в лечебницу и стану учиться и помогать людям...

Разве это не счастье?

Лечебницу я увидела издали. Приземистое одноэтажное здание из белого камня с зеленой крышей. Еще Алетар Раденор ее строил, и строил — на века. С тех пор перекрывали крышу, меняли двери и окна, ремонтировали перегородки из дерева, а вот каменный каркас как стоял, так и стоит. И еще века продержится. Раденоры вообще выделяют достаточно денег на лекарей.

Я положила руку на бронзовую ручку. Поморщилась. Вымыть не могли? Под пальцами появилось неприятное липковатое ощущение. Так бывает, если металлическую вещь долго не чистить.

Грязь. В лечебнице? Мне это уже не нравилось. Но порог я переступила со всей решительностью. В конце концов, у работающих здесь людей есть дела и поважнее, чем начищать дверные ручки, верно?

В нос бросилась смесь запахов. Щелока. Сильный и едкий. Крови и гноя. Не менее сильный. Болезни. Поверьте, больной человек тоже пахнет своим особым запахом, запахом боли и страха. И сейчас все это ударило мне в лицо. Я пошатнулась и крепче схватилась за дверь, чтобы не упасть. А на пальцах вновь остался неприятный липкий след.

И что тут происходит?

Лекаря я узнала по зеленой развевающейся накидке. Цвету жизни. И ухватила за рукав.

— Где я могу найти господина Тирлена?

— Он на обходе...

— И где это?

— В северном крыле. По коридору, третий поворот направо, еще раз направо и шестая дверь.

Лекарь вывернулся из моих рук, а я медленно пошла по коридору. Лечебница была устроена именно так. Один большой широкий коридор, от которого в обе стороны открывались двери.

За одной пили взвар несколько больничных служителей, за другой на койках лежали люди. Сколько же их! Мужчины, женщины, дети...

Страшно. Мне очень-очень страшно. Я медленно шла, оглядываясь по сторонам.

Вот в той палате женщина сидит на койке рядом с пожилым мужчиной, и до меня долетели слова:

— ...обязательно поправишься...

В другой девчонка — явно служительница — командовала пожилой женщиной:

— Ну-ка хватит лениться! Надо двигаться, иначе потом не встанете. Слезайте, госпожа...

А из соседней двери несло такой болью, что я невольно замедлила шаг. И охнула. За этой дверью сидели трое. Мать, отец, ребенок. Болел малыш, и ему было плохо, очень плохо.

Сила заметалась внутри меня, полосуюя когтями внутренности, словно раненый зверь. И я не сдержалась. Ну что такого? Я же просто загляну.

На скрип двери повернул голову только отец. Так...
Рофтеры.

Есть такая народность без земли. Черноволосые, смуглые, с карими или черными глазами, они кочуют от города к городу. И надо сказать, их не очень любят. Всякие попадались — и вороватые, и нагловатые...

Почему не извели?

Народ рофтеров владел какой-то своей магией. И провидицы, и вещуньи, и ведьмы. И проклясть последние могли так, что костей не соберешь. Случалось пару раз. После этого желание загонять рофтеров в какие-то рамки пропало даже у самых упертых.

Сейчас передо мной сидели типичные рофтеры.

Красная рубашка и черные штаны у отца, черная кофта и алая широкая юбка у матери, по спине струятся черные косы, извиваясь змеями на постели, на плечи наброшена шитая шелками шаль. Сидят родители над больным малышом. И не так уж важно, к какому они принадлежат народу. У горя нет национальности.

— Что с малышом?

— А вы кто?

— Ветана. Лекарка. Сегодня здесь первый день, — спокойно представилась я. — Господин?..

— Арахо. — Мужчина явно смягчился. — Никто не знает, госпожа. Сын весь горит в лихорадке, уже несколько дней, судороги, тошнота, рвота... Яра с рук его не спускает...

И верно, выглядела женщина так, что саму в гроб укладывать можно. Глаза запали, на лице только нос и скулы, кожа желтая...

Если ребенок умрет, она уйдет за ним, — подсказало нечто внутри. — Это ее единственный сын, ты же видишь...

Видела. Каким-то чудом видела и могла дать лишь одно объяснение. Моя сила выходит на качественно новый уровень. Хорошо это или плохо — подумаю потом. А пока...

Я шагнула вперед, мягко коснулась запястья малыша. Темного крабом, ему же года три, жить и жить! Женщина дернулась, как от удара.

— Вы... Кто?!

Она даже не слышала, о чем мы говорили. Я нащупала пульс ребенка. Едва-едва, тоненький, нитевидный, если не вмешаться здесь и сейчас — для него уже не будет ни там, ни потом.

— Ветана. Лекарка. Встань.

Откуда в моем голосе эти нотки? Но я сейчас разговариваю как бабушка.

Мать могла орать, могла гневаться, ее могли не слушаться, но когда говорила бабушка, все замолкали

и беспрекословно выполняли ее приказы. Просто потому, что понимали — *так надо*.

Женщина поднялась, глядя на меня, как птичка на змею. Может, и так, но сейчас мой яд — целебен.

— Дай я осмотрю его.

— Я...

— Клянусь, он не умрет.

И столько уверенности звучало в моем голосе, что женщина всхлипнула. А я ведь и правда могла это обещать. Знала, что говорю правду, и она почувствовала ее в моих словах. Здесь и сейчас.

На руки мне легло тоненькое тельце. Горячее, словно его только что вынули из печи. Боги, если бы вы не привели меня сюда, через десять-двенадцать часов все было бы кончено.

Пальцы легли на затылок малыша. Под прикрытием растрепанных мягких волосенок по ним побежали искорки. Почти незаметные, родители их и не увидели.

Да. Воспаление мозга¹. Бывает такая гадость, дети на нее податливы. А вот выживают немногие. Даже взрослые умирают, что уж там такие малыши.

Для проверки я согнула ребенку ногу. Попробовала. Ага, как же, размечталась... С тем же успехом можно пальцами полено гнуть. Мышцы словно железные². Вот и сыпь на теле, характерная такая... На закрытые веки надавливать даже не стала. И так понятно, что это. Зачем мучить ребенка?

Перевела взгляд на родителей. На господина Арахо.

---

¹ Менингит (*прим. авт.*).

² Симптом Кернига (*прим. авт.*).

— Сейчас вы возьмете свою жену и накормите. Можно — насильно. Я побуду с ребенком, пока вы не вернетесь. Обещаю, на шаг не отойду.

Мужчина нерешительно коснулся женской руки.

— Яра...

Женщина дернулась, словно лошадь, которую кнутом ожгли. И я поняла, в чем дело. Не верит. Никому не верит. И боится, что уйдет, а ребенок тут же умрет. Она чувствует его, словно себя. И знает, что только ее жизнь поддерживает его силы.

Да, и так бывает. Если любишь человека, сможешь удержать его над пропастью. Только вот я — маг жизни. И этой пропасти даже не замечу.

— Нет! Я не...

Я видела женщину насквозь.

— Обещаю: он не умрет.

Яра сверкнула глазами, но я покачала головой.

— Если он умрет — убьете меня. Хотите, напишу расписку? Господин Арахо, накормите жену! Там у лечебницы торгуют супом из моллюсков — две минуты туда, две обратно. Пять, чтобы его съесть.

Женщина вдруг шагнула ко мне. Взяла за руку, посмотрела... так...

— Он правда не умрет?

И столько надежды было в ее глазах, столько веры! Она и в храме, наверное, на Бога так не смотрела.

— Как зовут малыша?

— Диан. Моего мальчика зовут Диан.

Я медленно опустила ресницы.

— Клянусь — он будет жить. Своими будущими детьми клянусь! Чтоб мне ни одного не родить.

Да иди ж ты, дура! У своего ребенка время отнимаешь!

Я едва дождалась, пока за ними закроется дверь.

Положила Диана на кровать, отметив серую застиранную простыню и дырки на ней, и коснулась ладонями исхудавшего личика.

— Прости, малыш.

Ладони накрыли виски Диана. Сила гремела и перекатывалась внутри, словно безумный водопад на реке, и я покорно отпустила ее на волю. Это было вовсе не так, как с маркизом. Нет. Там требовалось встряхнуть все тело, теребящее желание жить. Здесь же...

Легче, намного легче.

Дети вообще больше тянутся к жизни. Они знают, что смерти нет, и это замечательно. Диан не кричал, не стонал и не дергался. Он просто вжался головой в мою ладонь так, что я на миг даже испугалась: показалось, что пальцы, прорвав кожу, впиваются в самую кость.

Но — нет.

И я знала, что сейчас творится внутри малыша. Почти видела, как золотистые искорки бегут по его жилам, как с кровью проникают в самые отдаленные уголки тела, выжигая нечто вроде гадких черных точек. Убивая самую суть заразы. Но это еще не все. Надо убрать последствия. Иначе малышу придется плохо, очень плохо...

Я направила силу туда, где она была нужнее всего. У Диана будут явные проблемы со зрением, когда он выздоровеет. А мы вот так, остороженько, уберем лишнее количество жидкости. Ее сейчас не хватает в теле, а она тут скопилась. Иди отсюда, милая, рассасывайся.

И вот тут беда. Нет, судорог у ребенка тоже не останется. Делать — так до конца...

Мне повезло.

Маг жизни за работой не заметит, даже если на него скала упадет. Я бы тоже не заметила ни зрителей, ни чего-то другого. Но... именно — повезло. Последствий было на удивление мало. Видимо, ребенок просто начал умирать, и болезнь не успела сожрать все, что возможно. Или я пришла вовремя?

Не знаю, ничего не знаю. Сейчас я просто живое приложение к своей силе, которая свободно льется из меня. И понимает, что все уже в порядке, все хорошо.

Я убрала руки с детских висков и машинально отметила, что в этот раз лечение далось легче. Хотя чего удивительного? Взрослые люди менее податливы, да и сил на них требуется больше. Я могу взять на руки малыша, но поднять того же маркиза?

Тяжесть болезни?

Да, и это тоже. Но малыша лечить легче, все равно легче. Со взрослыми я и руки поднять не могла после лечения. А сейчас вот спокойно сижу, держу мальчишку за руку и даже на стену не опираюсь. И вовремя, видит небо! Потому что за дверью уже слышатся шаги.

Родители ребенка возвращались в палату, как на эшафот. И неудивительно. Когда на твоих руках умирает твой ребенок, когда ты кровь бы по капле отдал, но некому, и понимаешь, что ты не в силах помочь, когда ты чувствуешь затухающее биение пульса и понимаешь, что малыш уходит... Не хотела бы я такое пережить. Впрочем, я — маг жизни. Но и чужой боли мне довольно.

Яра стояла в дверях и смотрела на меня. Я была спокойна, малыш лежал на кровати и едва дышал. Почти незаметно под одеялом, которым я его укутала. Бедняга пропотел насквозь, его переодевать надо, а во что?

— Он...

— Жив. Выздоровливает. У него был кризис, — спокойно ответила я.

Яра осела у двери, словно тряпичная. Глаза впились в меня остриями ножей.

Жив? Правда? Выздоровливает?!

Супруг кое-как подхватил несчастную под мышки, поднял и подтащил к кровати.

— Яра, Яринька, все в порядке...

Рука, протянутая к сыну, явственно дрожала. Но лобик под пальцами был прохладным, только очень мокрым. И волосенки на голове слиплись от пота.

— Его бы переодеть. Есть во что?

— Есть! Сейчас найду!

Вот и чудненько. Я встала, умудрившись даже не пошатнуться. Эх, мне бы сейчас хоть чашку воды. Но слабости показывать нельзя, я-то знаю. Да и ненадолго это, я быстро прихожу в себя.

Яра суетилась вокруг ребенка. Господин Арахо посмотрел на это — и коснулся моей руки.

— Госпожа Ветана... спасибо.

— А я при чем? Кризис и сам бы начался, просто я это увидела и отослала вас. Иначе ваша супруга тут бы с ума сошла, — с невинным видом пожалала плечами я. — Знаете, это очень неприятно выглядит.

Господин Арахо закивал, словно и правда что-то знал.

— Все равно — спасибо. Сколько?..

Я фыркнула.

— За что вы меня благодарите? За десять минут рядом с малышом?

Можно подумать, я прошла бы мимо. Тогда, рядом с маркизом, я поняла, насколько страшный дар мне достался. Сейчас вижу это еще отчетливее. Маги жизни — рабы своей силы. И чем лучше я научусь лечить без применения магии, тем спокойнее будет мне же. Потому что там, где опытный лекарь обойдется уколом...

— Лекари говорили — Диан умрет.

— И что? Не умер же? Справился.

Дверь скрипнула. В комнате сразу стало очень тесно и зелено. Три лекаря, штук шесть подручных, все в форме государственных лекарей. Голос господина Тирлена наполнил помещение:

— А вот тут у нас острое мозговое воспаление. Кто назовет мне признаки?

— Сыпь.

— Жар.

— Судороги.

Неуверенные голоса, сомневающиеся лица. И это — подручные лекарей? Если бы я так перечисляла все бабушке? Или старой Марте? Хм-м...

Крапивой они бы меня гоняли долго и безжалостно. Травница всегда повторяла, что неверно распознаешь — угробишь больного. А там и сама можешь жизнью заплатить. Придут вот его родные с вилами и не посмотрят, что ты плохо училась.

— Отлично. Осмотрите малыша.

Подручные направились к кровати, а я — к Карнешу Тирлену.

— Господин Тирлен, вы меня помните?

Меня удостоили взглядом.

— Госпожа Ветана? Рад вас видеть. Почему вы здесь?

— У ребенка начался кризис, я не могла пойти искать вас.

А что еще я могла сказать? Задержалась, лечила...

— Он мертв?

Я распахнула рот. Может, и не аристократично, но слов не было. Вот так? При родителях, по живому? Ну, знаете ли!

— Н-нет...

Но больше сказать ничего не успела. Яра, растолкав окружающих, кинулась мне в ноги.

— Спасибо, госпожа Ветана!!! Спасибо!!!

Я оступилась и едва не рухнула бедной женщине (хотя при чем тут бедность, ребенок же выздоровел?) на голову, господин Арахо подхватил меня, господин Тирлен бросился осматривать мальчика, растолкав учеников...

Одним словом, отличилась! Молодец, Вета! Может, тебе табличку на шею повесить? С надписью: «притягиваю проблемы»! И так ходить, пока ума не наберешься? Хотя если его при рождении не было, то и потом не добавится...

Дура.

* * *

Спустя полчаса в комнате установился относительный порядок. Яра успокоилась, но по-прежнему не выпускала из рук Диана, который уже успел очнуться, напиться и уснуть нормальным сном выздоравливаю-

щего ребенка. Господин Арахо кидал на меня благодарные взгляды. Карнеш Тирлен расхаживал по комнате взад-вперед, остальные лекари убирались с его пути. Я устроилась в уголке, подальше от всех. И благодарных родителей, и лекаря. Не задушат в теплых объятиях, так при ходьбе сшибут. Оно мне надо?

— Госпожа Ветана, расскажите еще раз, что вы видели?

— Ничего особенного. — Я пожала плечами. — Искала вас, по дороге заглянула в палату, увидела, что у ребенка сейчас начнется кризис, отослала родителей, чтобы не мешали своими воплями, напоила малыша жаропонижающим...

— Каким?

Я послушно протянула пакетик с корой ивы. Лично собрала, высушила и истолкла в порошок. Карнеш посмотрел недоверчивым взглядом.

— Это? И все?

— Да.

— Но... у мальчика было воспаление мозга. И выжить он никак не мог!

Я помотала головой.

— Да нет же! Господин Тирлен, если бы у него все было так серьезно, он бы точно умер! Может, просто что-то похожее? Например, воспаление уха? И если он еще падал...

Карнеш задумался. Прищурился на Яру с супругом.

— Скажите, любезная, а как себя чувствовал ваш ребенок сегодня? Два дня назад я помню, а сегодня?

— Плохо.

— У него был жар? Судороги? Тошнота? Сыпь?

Яра смотрела непонимающими глазами.

— Ему плохо было. Горячница у него была, вот!

— Горячница?

— Ну да! Плохо ему было!

Я прикусила язык.

Готова остричься налысо, если Яра сейчас не разыгрывает тупую рофтерку! Прекрасно она понимает и смысл вопросов, и то, какого ответа ждет лекарь, но...

Он ее ребенка бросил. Вчера не пришел. И сегодня привел учеников показать умирающего. Не помочь, нет. Просто поучить на живом примере, даже не подумав, что матери это будет больно. Рофтеры же! Отребье, отбросы, люди без родины, чести и совести. И чего с ними считаться?

Я понимаю, что учат на живых людях, но меня иначе натаскивали! Никогда, никогда Марта не расспрашивала меня у постели больного! Всегда выводила из дома и носом в промахи тыкала! Потому что не стоит человеку знать, что с ним. Иногда попросту не стоит! А вот так, обсуждать умирающего ребенка в присутствии его матери — это даже не жестокость. Это как у мясника. Для него корова не живое существо, а ходячая колбаса. Вот и для Карнеша Тирлена это не умирающий малыш, а интересный случай. Так он и отнесся. А я пришла и поддержала. Помогла. И меня просто... защищают?

Да, похоже на то.

Непрофессионально так относиться к больным людям? Да, знаю. И неумно, и нелогично, и я себя раньше растрочу, чем кому-то помогу, и... И плевать на все эти доводы! Стоит только заглянуть в глаза ребенка, чтобы